

Библиотека башкирской поэзии

ШАЙХЗАДА
БАБИЧ

ШАЙХЗАДА
Б А Б И Ч

С(Башк.)

Б12

Редакционная коллегия:

Х. Гиляжев, Н. Наджми, Г. Рамазанов,
А. Харисов, Г. Хусайнов

Перевод с башкирского
СЕМЕНА ЛИПКИНА

Составитель А. Харисов

БАБИЧ НАЧИНАЕТСЯ

Восточное изречение гласит: «Великие люди — это метеоры, сами себя сжигающие, чтобы осветить мир». Таким был у башкир легендарный герой и поэт Салават Юлаев, таким мы знаем Шайхзаду Баби́ча, выдающегося мастера башкирского художественного слова, который яркой звездой блеснул на небосклоне поэзии.

Баби́чу шел всего двадцать пятый год, когда он погиб от руки изменников революции, успев однако оставить глубокий след в башкирской и татарской литературе. Поэт органически вырос из почвы народного гения, из его мудрой поэзии и поэтому навсегда остался жив в памяти народа, в его эстетическом сознании.

Молодой Баби́ч вошел в литературу в предреволюционные годы. Появление его было как бы предвещено, предсказано: краски бабичевской поэзии отчетливы в народной музе, в творчестве сэсэнов, они звучат волшебным звуком курая, изливаются трелью соловья, раздаются журчанием горного ручья, —

поэт как бы незримо присутствует везде, где только взоры и мысли людей приковывают к себе прекрасное и возвышенное.

Шайхзада Мухаметзакирович Бабиш родился 2 (15) января 1895 года в деревне Асян ныне Дюртюлинского района БАССР в семье муллы. Начальное образование получил в родной деревне. Окончил широкоизвестное в дореволюционной России уфимское медресе «Галия». Побывал в Казахстане, где обучал детей грамоте. Там он тесно общался с казахскими акынами, с увлечением читал произведения Абая Кунанбаева, через его переводы на казахский язык он впервые ознакомился со стихотворениями Лермонтова. Первые стихи Бабиша относятся к 1910—1911 годам, когда он шестнадцатилетним юношей побывал в казахских степях. Печататься начал Бабиш в 1913 году. Ярким светочем в поэзии молодой поэт считал Габдуллу Тукая, чьи традиции он достойно развивал дальше.

Богата и разнообразна поэзия Бабиша. Легкостью и глубокой образностью языка, ясностью мысли и непосредственностью чувств отличаются его стихи и поэмы. Поистине музыкальна и трогательна его лирика. Славу снискал Бабиш и тем, что ему суждено было поднять на новую высоту юмор и сатиру, введенные в литературу в XIX в. Акмуллой и по-новому развитые Тукаем.

Бабич относился к поэтическому творчеству строго и требовательно. «Если в каждой строке нет небесной звезды,— писал он о лирических стихотворениях,— а из каждой строфы не излучается райское блаженство,— зачем тогда они? Чем утомлять глаза чтением чепухи, не лучше ли сжечь ее в печке да с наслаждением погреть спину!» Сам Бабич, как метко выразился Галимджан Ибрагимов, писал так свободно и красиво, «будто играл с самоцветами, то собирая их, то разбрасывая, то вновь собирая».

Жил и творил Бабич в суровые годы первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций. Поэт пережил период серьезных идейных заблуждений, находясь некоторое время в среде башкирских буржуазных националистов. Но, несмотря на все это, творчество Бабица в целом было глубоко народным, жизнеутверждающим. Высокое общественное призвание поэта он видел в верном служении интересам трудового народа. Он звал людей прожить свою жизнь в борьбе за светлые идеалы:

Позабудь обиду и унынье!
Если счастье надобно тебе,—
Ради счастья проводи отныне
Жизнь свою короткую в борьбе!

(«Жизнь в борьбе», 1915)

Одним из первых в башкирской и татарской поэзии Бабич воспел революционный рабочий класс,

поднявшийся на свержение самодержавия, нещадно бичевал врагов революции. Исключительно большое политико-агитационное значение имело в свое время распространенное в виде листовки «Обращение в стихах к башкирскому народу», в котором поэт призывал громить колчаковцев, дутовцев и других врагов молодой Страны Советов. В своей гражданской лирике Бабич зачастую выступает как поэт революционного обновления, в его стихах, как в русской революционной поэзии той поры, звучат мотивы грозowego созидания нового мира.

Слишком коротка была жизнь Шайхзады Бабича (он погиб 28 марта 1919 года). Но поэт оставил ценное наследие, являющееся национальной гордостью башкирского народа.

Бабич до сих пор был известен русскому читателю только отдельными стихотворениями, да и башкирам он был возвращен совсем недавно. Мастер перевода произведений восточных поэтов Семен Липкин, собственно, впервые открыл Бабича для литературного мира на русском языке. Правда, поэт пока еще открыт не полностью, а только в сфере избранной лирики. Но можно быть уверенным, что за предлагаемой читателю книжкой Бабича последуют и другие его издания. На сегодня важно одно — Бабич начинается.

Атнаф Харисов

КНИГА

Открой мне, книга, навсегда сокровища свои,
Из чистых родников меня ты знаньем напои.

Скорей открой мне путь прямой среди кривых дорог,
Пожар невежества залей водой прозрачных строк!

Ты — утешение мое, ты — материнский свет.
Скорблю и мучаюсь, когда тебя со мною нет.

Будь, книга, пахарем моим: мне без тебя беда —
Колосьям светлых дум грозят бурьян и лебеда.

1910

Немного есть таких поэтов, как несравненный
Габдулла.

Когда, как месяц, он сияет, ночная отступает мгла.

И нежность в нем, и гнев, и твердость, и дум
глубоких мощный взлет.

Он — голос наш и наша гордость, ему — любовь,
ему — почет.

Как серебро сверкает ярко в сравненьи с медною
рудой,

Как пена белая в сравненьи с речной свинцовой
водой, —

В сравненьи с прочими стихами его стихи, его слова
Подобны огненному свету, исполненному
торжества!

Народ запоминает сразу его душевный, звонкий
стих,

В сердцах людей он пробуждает живое пламя чувств
больших.

Он выше всех теперь в Казани, и там, где слышен
горький плач,

Он — обличитель и учитель, он и трубач, и доб-
рый врач.

Он благодарности достоин, умы и души он потряс,
Горжусь я, что поэт великий есть и у нас, есть и
у нас!

Наполнил песенною силой он юность пылкую мою,
И вся душа моя пылает, когда стихи его пою!

1911

КОЗА И СВИНЬЯ

Свинье однажды говорит коза:

«Ты знаешь ли, что солнце есть над нами?
С улыбкой утром смотрит нам в глаза,
А ночью прячется за облаками».

«Коза, ты врешь! — свинья кричит в ответ. —
Такие не веди со мной беседы!
На свете солнца не было и нет, —
О нем не знали ни отцы, ни деды!»

Коза: «Не вру! Есть солнце в вышине!
Спроси других, коль ты не веришь мне!»

Свинья: «От предков, ни в стихах, ни в прозе,
Рассказ о солнце не дошел до нас.
С утра до ночи роюсь я в навозе,
А вот о солнце слышу в первый раз».

Коза: «Ты вниз уперлась головою,
Не смотришь вверх, погружена во тьму.
Ты вечно споришь с истиной живою
И сердишься, не веря никому».

Свинья: «Плохая у тебя привычка —
Не слушаться ни дедов, ни отцов.
Ты богохульница и еретичка,
И попадешь ты в ад в конце концов!»

«С тупицей спорить — только смех и горе!» —
Коза решила и пошла домой.
«Козу я ловко победила в споре!» —
Похвасталась свинья свинье другой.

1911

ПРИСЯГА НАРОДУ

Звнящее золотом слово
Не ради почета пою, —
Пою для народа родного
В родном златоцветном краю.

Не золота ради сверкает
Серебряным словом перо, —

Пусть песня в народ проникает:
Ведь сердце его — серебро.

Не ради богатств садовода
Взрастил я цветник красоты,
А ради родного народа,
Чьи дочери словно цветы.

Не я сочинил свои песни,
Не я их насытил огнем, —
Народ мой горячий и честный
Их складывал в сердце своем!

Не жалею на неудачу,
На холод студеных дорог, —
О доле народа я плачу,
О том, что он слаб и убог.

Пусть жертвой безвременно лягу,
Пусть юности минет пора, —
Народу принес я присягу
Из золота и серебра!

1914

НА ЛУНУ Я ВЗОБРАЛСЯ...

На луну я взобрался, от земных удалившись тревог,
Ликовал и смеялся, — а насытиться счастьем не мог.

Не хватило мне счастья, — я поднялся на солнеч-
ный круг,
Но и там от ненастья я почувствовал в сердце недуг.

Миновал я дороги восемнадцати тысяч планет¹,
Оказался в чертоге, где светился всевышнего свет,

Но и в божьем жилище, благодатью небесной дыша,
Ни отважней, ни чище, ни счастливей не стала душа.

1914

ОДНО МГНОВЕНЬЕ...

Моя душа пришла в волненье, и верится с трудом,
Что может стать в одно мгновение то пламенем, то
льдом.

Весь мир прокляв, в одно мгновение из тысячи огней
Вдруг вспыхнул, точно вдохновенье, пожар в груди моей.

Душа-бедняжка загорелась... Бедняжка? Нет, она
И силу обрела, и смелость, мятежна и грозна!

¹ Согласно мусульманской легенде, вселенная состоит из восемнадцати тысяч планет.

Она горит, но не от горя, — от радости горит,
Она горит, с неправдой споря, и новый мир творит.

Душа горит... К чему угрозы — огонь залить водой?
Пускай из глаз моих, как слезы, бежит огонь святой!

О слезы, двигайтесь, как реки, от ночи до зари!
Не гасни, мой пожар, вовеки, душа моя, гори!

1914

О БЕДНЫХ

— Ты терпишь? Так терпи, терпи всегда и впредь,
бессильный пленник!

— Я не хочу терпеть, я не хочу скорбеть
под властью денег!

Душа моя горит, когда смотрю на вас,
на мир угрюмый.

О бедных, о рабах слагаются в рассказ
живые думы.

На шумных площадях печаль моя сильнее,
ей нет предела:

Из пламени она, что горестно в моей
груди горело!

К бесправным, что бедны до гробовой доски,
познал я жалость,
И сердце юное от боли и тоски
впервые сжалось.

1914

ЖИЗНЬ В БОРЬБЕ

Почему, душа моя, жестоко,
Так, что сердце в пламени скорбит,
Мучаешь и жжешь меня до срока
По причине мелочных обид?

Ты сама, пути не зная к бою,
В том огне погибнешь тяжело...
Разве на земле само собою
Уничтожится, исчезнет зло?

Как бы ни пылали наши раны,
Разве цепи разорвать легко?
Если на пути твоём капканы,
Разве убежишь ты далеко?

Позабудь обиду и унынье!
Если счастье надобно тебе, —
Ради счастья проводи отныне
Жизнь свою короткую в борьбе!

1915

ЖАЛОБА ГОРЕ-ПОЭТА

От зноя жгучего река вдруг превратилась в кипяток,
И пар взлетел, чтоб, охладясь, упасть как дождевой
поток.

Не так ли в голове моей кипят стихи и зачастую,
Словесным паром становясь, взлетают на ветер впустую.

1915

ГРЕХ И НАКАЗАНИЕ

Подбородок — на руке.
Одиноко, в уголке,
Я раздумываю думу.
Всё неясно вдалеке.

Дума давняя грустна,
Ей душа моя тесна...
Неожиданно я вздрогнул,
Пробудился ото сна.

Вижу в полузабытьи:
Словно шумные рои,
Словно марева-туманы,
Думы движутся мои.

— Ох ты грешен, — говорят, —
Погружаешься в разврат...
— Грех-то мой — песчинке впору,
Наказанье — с гору.

1915

СЧАСТЬЕ БЕЗ КРАЯ

Мой трон — земля, а мой венец — сиянье небосвода.
Моя отрада — солнце дня, моя душа — свобода.

Люблю я звезды и луну — подружек и друзей,
Мне жаворонок — побратим и спутник — соловей.

Брожу ли по родным полям, вхожу ли я в дубравы, —
Кивают, как соседу, мне цветы, деревья, травы.

Как живописные мечты, воздушны и легки,
С душевной радостью меня встречают мотыльки.

«Добро пожаловать!» — кричит мне ветерок рас-
светный,
Меня целует он в уста с улыбкою приветной.

Быть может, гору я сверну как древний богатырь?
Взлететь мне, что ли, в небеса? Обнять земную ширь?

Я вижу: радуется мне все доброе, живое,
И эта пестрая земля, и небо голубое.

Схожу с ума и рвусь туда, где чистые сердца...
Нет края счастью моему, свободе нет конца!

1916

я жду

Пройду ли по травам башкирского края, —
Душа устремится в полет.
Услышу ли издали песню курая, —
Мое существо запоеет.

Взберусь ли к дубравам башкирских нагорий, —
Мне чудный откроется мир.
Но княжество смерти, но темное горе
Я вижу в селеньях башкир.

Живые покойники тлеют в могилах,
Их боли не слышится крик,
Но скорбную повесть о селах унылых
Несут нам Сакмар и Яик.

И сам я не знаю, кого проклиная,
Когда на Урал я смотрю.
Настанет ли время башкирскому краю
Узнать и увидеть зарю?

И кажется, будто великий и строгий,
Мне чутко внимает Урал,
И кажется, будто исчезли тревоги,
И день засверкал, заиграл,

Мне кажется: песня летит издалёка,
Летит, чтоб развеять беду,
И верю: дождусь я желанного срока, —
И верю, и плачу, и жду!

1916

БОГ ИЛИ ЧЕРТ?

Бог — посреди небес.
В земной юдоли — бес.
Я мальчуган.
Один твердит: «Ислам!»
Другой кричит: «Я сам!»
В словах — туман.
Но справедлив ли бог?
А бес — кому помог?
На чьей из двух дорог
Обман!?

1916

ОТВЕТ ЛУНЫ

Лучами стала грудь моя полна,
Когда я на Луне играл.
И я сказал: «Прости меня, Луна,
Я у тебя лучи украл».

«Я не сержусь, — услышал я ответ, —
Бери лучи, чтоб дать народу свет.
Ведь я сама, чтобы сиять в ночи,
У солнца отняла его лучи».

1916

Я на горé пишу стихи... Молчок,
Весенний ветерок! Меня в покое
Оставь и ты, затихни, родничок!
И ты не вспоминайся мне, бывшее!

В ущелье, где ручей журчит всегда,
С кем я бродил прошедшею весною?
Те дни умчала, унесла вода,
Осталась лишь одна печаль со мною.

Я на горé пишу стихи... Поток
Речной воды, замолкни, ради бога,
Зажмурься на мгновение, цветок,
Зачем ты смотришь на меня так строго?

О, к чьей груди в том памятном году
Я приколот цветок, и в час рассвета
Какую в тех глазах открыл беду,
В которых жадно я искал ответа?

Цветы, вы эти помните глаза,
Таинственные, полные томлений?
Они меня сжигали, как гроза,
И я упал пред ними на колени.

**Я на горé пишу стихи... Не вей,
Весенний ветер, на лесистой круче,
Не пой, не пой, жестокий соловей,
Меня терзает голос твой певучий!**

**О соловей, ты помнишь ли ту ночь,
Ты помнишь ту, кого я обнял страстно?
Ты помнишь, как пыталась нам помочь
Луна, великодушна и прекрасна?**

**Ты цокал и свистел среди ветвей,
Но в то неповторимое мгновенье
Я с убежденьем думал, соловей,
Что слышу я твое благословенье!**

**Все, что она хранила в глубине
Своей души, потом облек ты в звуки,
Я записал их, ты унес к луне
Мои, в словах трепещущие, муки.**

**Но кто была она, кому луна
Открыла мной написанные строки?
Кто мне нанес удар, восстав от сна,
Так, что остался в сердце шрам глубокий?**

Я на горé пишу стихи... И пусть
Гора узнает о моей печали,
И пусть гора читает наизусть
Стихи, что здесь впервые прозвучали.

Стихи, в которых боль моя горит,
Вы, птицы, не хотите ль спеть? Начнете,
А я послушаю, как вы поете,
И, выслушав, расплачусь я навзрыд.

1916

ЦВЕТЫ

Тонкий ствол цветет со мною рядом,
Он украшен с ног до головы
Зелени трепещущим нарядом,
И цветы видны среди листвы.

Здесь листы перебирают четки,
Светлый луч лежит на них порой,
Будто некий дух, живой и кроткий,
Гладит их серебряной рукой.

Тянутся, ища иную долю,
Юные побеги к потолку.

Листья из окна глядят на волю,
Раскрывая давнюю тоску...

Три цветка однажды разгорелись,
Распустились в комнате моей,
Три цветка, чья несказанна прелесть,
Три цветка, что нежности нежней.

Так они висят на стебле, будто
Красный пламень в сердце их живет,
И напоминают почему-то
Птичек, устремившихся в полет.

Кажется: вовек не постареют,
Всем невзгодам жизни вопреки!
Ангелы любви над ними реют,
Алые лобзуют лепестки.

Но в моих глазах — восторг и горе...
Бедные мои, жалею вас,
Ибо знаю, что наступит вскоре
Увядания неизбежный час.

И не потому ли так печально
Вас ласкает мягкая листва,
И молитв, бессильно и прощально,
Шепчет еле слышные слова?

Или нет для вас ни в чем соблазна,
И решили сами умереть?
Или жизнь настолько безобразна,
Что милей — гореть и отгореть?

Знаю: наша близится разлука,
Завтра я утрачу вас, друзья.
У меня в душе такая мука,
Что ее и выразить нельзя.

Если ж просьбу выслушать хотите
Прежде, чем в последний раз вздохнуть, —
То прошу вас: нежные, взлетите,
Сядьте мне, прелестные, на грудь!

Чтобы вдоволь я вкусил отрады,
Что благоухает в лепестках,
И другой не надо мне награды, —
Только бы носить вас на руках!

Запахом душистым опьяненный,
Буду славить вашу благодать,
И всю жизнь, познав любви законы,
Буду вам отходную читать.

Гусыне отменный построили дом.
Ну что же, и честь ей, и место!
Она восседает в гнезде золотом
За пологом, точно невеста.

В гнезде, на соломе, вольготно житье.
К чему ей другое строенье?
И если невестой назвал я ее,
То это всего лишь сравненье...

Шипит она, злится в течение дня,
Прохожих порою пугая.
Надеешься ты ущипнуть и меня?
Но эта надежда пустая!

Не надо, безмозглая, клювом трести,
Свою не вытягивай шею.
Смотри, не шипи у меня на пути, —
Тебя не боюсь, не сробею!

Сиди, не шипи, а неистовый клюв
Упрятать под крылышко можно.
Засни — и поверишь, тихонько заснув,
Что ты меня щиплешь безбожно.

В серебряных яйцах выводись гусят,
Перина твоя золотая.
Сиди себе смирно, как люди велят,
Потомства на свет ожидая.

Как только проклюнутся детки твои,
Из хижин серебряных выйдут, —
На вольных лугах, у озерной струи,
Чудесную травку увидят.

Свой дом ты покинешь, счастливая мать,
Где прежде жила ты богато.
Ты будешь по травке зеленой гулять,
С тобой — молодые гусята.

Поймешь на лугах, где трава, как парча:
Отлично живется на свете,
Когда за тобою, смеясь, гогоча,
Идут твои славные дети!

Когда ж превратятся гусята в гусей,
Семья разрастется большая, —
Восславят вас девушки в песне своей,
Гусиную помочь ¹ справляя.

1916

¹ Гусиная помочь устраивается поздней осенью для ошипывания битых гусей.

ТИХАЯ НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Тиха, душиста ночь, — одна из тех ночей,
Когда едва звенит, едва журчит ручей,

Грохочет вдалеке то явственней, то глуше
Телега — лишь затем, чтоб гуще стал покой,
И, словно тишину решил загнать мне в уши,
Какой-то глупый пес залаял за рекой.

Как вызвездило высь! Простор недвижим, светел.
Лежу под звездами в огромной тишине.
Деревьям шепотом рассказывает ветер, —
О чем? Не ведаю. Быть может, обо мне...

Прошла пора ночной молитвы. Знаю, знаю,
Что полночь близится, что смолкнут голоса,
Что тьма надвинется, тьма без конца и края,
И широко у звезд раскроются глаза.

Подрагивает ночь, светилами блистая,
А звезды на небе по-своему живут:
Те пляшут весело, те вдаль плывут, мечтая,
А те глядят с тоской на скорбный свой приют.

Печаль моих стихов, пылающих в огне,
Почувствовал ли ты, приятель мой певучий?
Кому же петь, скажи, кому же, как не мне,
В чьем сердце вспыхнул пламень жгучий?

Проходят предо мной события прежних дней.
Весны мне слышится напев победоносный.
Разлив моей души становится сильнее,
Как вспомню я былые вёсны.

Скажи: Уральских гор ты видишь синеву?
Из клетки, соловей, взгляни на них скорее!
Для этих гор пою, для этих гор живу,
И с ними песнь моя смелее.

Не хочешь петь? Иль ты не слушаешь меня?
Иль ты отягощен заботою иною?
Свой клюв красивый трешь, товарища дразня...
Иль ты смеешься надо мною?

Ты видишь ли весны свободную тропу?
Везде звенит капель, везде проснулись ветки.
Волнуюсь я, а ты дrobiшь свою крупу...
Иль ты остаться хочешь в клетке?

Везде звенит капель, везде бегут ручьи,
Весь мир приветствует весна горячей речью,
И птицы певчие, сородичи твои,
Уже летят весне навстречу.

И я то радуюсь, то, мучаясь, пою,
Когда идет весна по взрыхленному полю.
Ты скоро ль, соловей, изменишь жизнь свою,
Ты скоро ль вырвешься на волю?

Ты видишь, как земля весною хороша?
На память мне весна былые дни приводит.
Кипит моя душа, бурлит моя душа,
Из берегов она выходит.

1916

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Скользят чудесно сани дорогою степною,
Кругом заснуло поле, кругом — снега, снега.
Прозрачный день оделся такою белизною,
Что кажется: повсюду сверкают жемчуга.

Стопились вдоль дороги, желают задущевно
Мне снежные сугробы: — Приятель, будь здоров!
А солнце над снегами горит, звенит напевно, —
Я тоже песню солнца запел, не зная слов.

Но вдруг поднялся ветер, холодный, полный злобы,
И песню оборвал он, и разметал сугробы.

1916

ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Ну и денек! Такой печальный, томительный,
многострадальный!

Мне кажется, что мир закован в какой-то тягост-
ный напев.

Сижy я под высокой ивой и вижу день, такой тос-
кливый, —

На небесах желтеют тучи и серый движется туман.

Глаза, взглянув на мир, узнали все признаки моей
печали:

Цветы и травы приуныли, земля грустна и холодна.

То мокрый снег, то дождик мелкий, — осенних
сумерек поделки,

И ветер, как земля, холодный, с ненастьем грусть
перемешал.

Деревьям слышатся угрозы, ручей бежит, роняя
слезы,

И сострадая им, готова заплакать и моя душа.

Зачем вы осенью поете о варварстве, о тяжком
гнете?

Нужна вам жалости крупица иль пламя сердца
моего?

Ворона каркает над ивой: — Какой сегодня день
красивый!..

— Красивый? Ох какая дура! — я снизу ей кри-
чу. — Хи-хи!

1916

ВО МГЛЕ

Хотел я свет найти на небе, а небо — в беспросвет-
ной мгле.

Взглянул на землю, — оказалось: темно и хмуро
на земле.

Я нá смех поднят был звездою, смеялась надо мной
луна...

Зачем они меня терзают? И так душа моя больна!

И без того на сердце тяжело, и я до срока поста-
рел, —

Зачем же в сердце мне вонзают миллионы ядовитых
стрел?

Ужель не слышат, как я плачу, без утешения,
навзрыд,
О том, что путь во тьме крошечной от взора смут-
ного сокрыт?

Звезда глумится надо мною, подмигивая и дразня...
Тебе-то нá небе вольготно, — не стыдно ли драз-
нить меня?

И ты, луна, не зазнавайся! скажу тебе не в бровь,
а в глаз:
Ты на мое спустись-ка место, попробуй, каково
у нас!

1916

БУДЬ СЧАСТЛИВ, РАБОЧИЙ НАРОД!

Пусть встанет рабочий народ,
Свершая свой труд неустанный,
Пусть власть в свои руки берет
И цели достигнет желанной.

Будь счастлив, рабочий народ,
Борись и работай со страстью!
Будь счастлив, рабочий народ,
Дорогу прокладывая к счастью!

Будь счастлив, рабочий народ,
Иди неуклонно вперед,
Вздымая единства знамена,
К свободе иди неуклонно!

Терпел и терпел ты, скорбя
И силы копя перед боем.
Владыки терзали тебя,
И кровь твою пили запоем.

Рабочий! Твое торжество
Пуiskай утверждается в мире!
Пойми ты себя самого,
Раскрой свои очи пошире:
Кто создал богатства земли?
Чьи руки весь мир возвели?
Борись и работай со страстью,
Дорогу прокладывая к счастью!

Все то, что твое, ты возьми,
Но жить для желудка не надо.
Дружи с трудовыми людьми,
Свобода — свободным награда!

Мечтаю, рабочий народ,
Чтоб власть твоя светлая длилась,

Неравенство пусть пропадет
И пусть победит справедливость!
Будь счастлив, ища правоты!
Буржуев-обжор животы
Осядут пускай понемногу, —
Прокладывай к счастью дорогу!

Пусть горе, неправда и гнет
Погибнут у нас под ногами,
Пусть равенства солнце взойдет
Над миром, над нами, как знамя!

Будь счастлив, рабочий народ, —
Тебя твое счастье зовет!

1917

БУРЖУЙ

У тебя глаза багровы, ты и тучен, и румян.
Что ты ценишь? Только брюхо! Что ты любишь?
Чистоган!

«Я — социалист!» — кричишь ты, ибо красен медный
лоб:
Как ты кровью насосался, бедноту вгоняя в гроб!

Почему белкѣ и веки залил густо красный цвет?
Потому что в сердце пусто, потому что сердца нет!

Почему покрыты губы нездоровой синевой?
Это проступает злоба, это нрав жестокий твой!

Почему, социалиста званье смелое украв,
Красной лентою свободы ты украсил свой рукав?

1917

СОЦИАЛИСТУ-РЕНЕГАТУ

В портянках грязных, и в штиблетах поношенных, и
сам нечист,
Надел ты пояс ярко-красный, клянешься:
«Я социалист!»

Припас в своей душонке черной ты ярко-красные слова,
И комья грязи в красной тряпке швыряешь, полон
хвастовства.

На площади ты негодуешь, что жизнь простых людей
тяжка,
А дома — об одном лишь дума: как облапошить бедняка?
На площади кричишь о хлебе и сеешь ты в речах добро,
А дома блещет пред тобою наследственное серебро.

Ты призываешь богатеев: «Не притесняйте
бедняков!» —
А сам живешь за счет голодных, не выравшихся из
оков.

На людях носишь ты личину: ты всех красней, ты всех
добрей, —
А дома на копейке каждой нажить желаешь сто рублей!

1917

БОЛЬШЕВИКУ

О большевик, борись везде, в любом уезде,
Обрушь на богача, как молнию, возмездье.

Идя за Лениным, — ты станешь всех сильней:
Уничтожай лисиц, — тогда спасешь гусей!

1917

ВЫБРОШЕННЫЕ ЛИСТКИ

1

Я смотрю в окно, и зреньё
Устремляется вперед.
— Дай, луна, стихотворенье!
— Дай, луна, стихотворенье! —
С просьбой путник пристает.

Мчись, мой поезд, чтобы всюду
Разливался лунный свет.
На луну смотреть я буду,
Словно истинный поэт.

На луне найду, быть может,
Я родное существо,
Что умножит, растревожит
Силу сердца моего...

На луне, где угол красный,
Вижу девушку одну.
Эй, швырни мне стих прекрасный,
Я тебе его верну!

Свет луны — твои ланиты,
А ресницы — как лучи.
Нежная, ко мне сойди ты,
Строки чудные вручи!

2

Мы сперва начнем с Казани.
Там горит, сверкает «Ан»,
А «Ялт-йолт»¹ — вот наказание! —
Еле виден сквозь туман.

¹ «Ан» («Сознание») — литературный журнал. «Ялт-йолт» («Отблеск») — сатирический журнал.

Но к чему писать куплеты,
Если гибну от тоски?
Каши требуют штиблеты,
Продырявились носки.

Ты твердишь, дружище, вяло:
«Надо нам тебя женить...»
Что ж, пожалуй... Но сначала
Мне б штиблеты починить!

3

Братца вашего, мужчины,
Как наступят холода,
В гости, — были бы причины! —
Звали девушки всегда.

С приглашением, — так случилось, —
Вестница ко мне пришла,
И красавица лучилась
Блеском ангельским чела.

«Погоди: с письмом-приветом
От меня пойдешь назад...»
Сам-то думаю: ответом
Завлеку я всех подряд!

«Вы для юношей, — пишу я, —
И мечта, и волшебство.
Только вами и дышу я,
Звезды сердца моего!

Ради вас душа боролась,
Боль терпела и беду».
«Приходи!» — я слышу голос.
Отвечаю вам: «Приду!»

Я вручил свое посланье
Той, чьи руки — два крыла.
Улыбнувшись на прощанье,
Ангел-вестница ушла.

Легче мне на сердце стало,
И припомнилось мне вдруг,
Как смеялся я, бывало,
Как смешил своих подруг.

Счастья я не ждал такого:
Девушки зовут опять!
Звезды жизни будут снова
Прямо в сердце мне сиять!

УЗНИК ЛЮБВИ

Не скажу, что соловей сходен с мотыльком обличем.
Не скажу, что мотылька мы соловушкою кличем,

Но певучий соловей с мотыльком соединенный,
Это — ангел, это — ты, мой тюремщик непреклонный!

Ты, смеясь и ворожа, стала вокруг меня кружиться,
Вкруг меня волшебный круг начертила, чаровница.

Как я вырвусь из кольца, если ты меня пленило, —
Беспощадного лица лучезарное светило!

Звонкая, как соловей, ты исчезла, точно чудо,
Яркая, как мотылек, улетела ты отсюда,

И тогда, себя забыв, я в смятении заметался,
В заколдованном кольце вечным узником остался!

1917

ОБЫЧАЙ ПОДРАЖАНИЯ

Седой обычай подражанья всем миром овладел
земным.

Простые смертные, мы тоже покорно следуем за
ним.

Связал обычай этот крылья, и думы наши, и дела,
Связал и ангела, и беса, детей добра, исчадья зла.

Чертенок подражает черту, и брату подражает брат,
И девушки, вступая в возраст, замужним подра-
жать хотят.

Похожи годы друг на друга, века берут пример с
веков,

И мальчики, когда играют, напоминают стариков.

Мой друг, проникни в суть вселенной, и ты постиг-
нешь наконец,

Что все живое подражает, подобью нужен образец.

Бывает человек порочен порой как бес, порой как
скот,

Но блуд и мерзость защищая, он стих корана при-
ведет.

И мы певали со слезами, как наши деды и отцы,
Ботинки с острыми носами и мы надели, как юнцы.

И мы, Востоку подражая, стихи кроили попышней,
Мы кудри, как Шекспир и Пушкин, отращивали
подлинней.

И мы, прельщенные Востоком, глупее сделались
овец, —

Решил, что стал вторым пророком Миргалаю,
мишар-купец! ¹

¹ Речь идет о саратовском купце-мещеряке Миргалаутдине, который из-за своего сходства с Мухаммедом, объявил себя вторым пророком.

На мысль, на поиск, на дерзание обычай наложил
запрет:

Америк открывать не надо, для нас хорош и
Старый Свет!

Пусть творчества тропа заглохнет, погаснет разума
звезда,
Зато обычай подражания пусть грозно властвует
всегда!

Как ни воюй ты с подражанием, как ни борись,
как ни шуми, —
Оно по-прежнему упорно владеет миром и людьми.

Мне скажут: — Откажись от веры, она смешна,
осуждена!
Отвечу: — Но и наша вера из подражаний соткана!

Да, подражание — наш обычай, и тут ничем нельзя
помочь, —
На маменьку свою похожа да будет глупенькая
дочь!

1917

БАБОЧКА И Я

У бабочки одно стремление — ласкать и целовать цветы.
К чему ей наши злые думы и гомон душевной суеты?

Для бабочки восторг и счастье — в прекрасном, что
цветет кругом.
Она звенит о чистой страсти, внушенной узником-цвет-
ком.

В цветах — судьбы ее свершение, и жизни цель, и
смысл, и суть, —

В цветах и в соловье, который поет и не дает уснуть!

Я этой бабочке подобен, и так же мысль моя чиста:
Люблю божественную душу, вся суть которой — красота.

1917

КРОВАВЫЕ ТЕНИ

Смотри: кровавые возницы все время убыстряют бег
Своих бесчисленных и грозных кроваво-огненных телег.

Покрыты губы черной гарью, и перекошены они.
Налиты веки черной кровью и разбухают ячмени.

Смотри на тех, кто голодает, кто страх забыл, кто все
забыл:

Они едят гнилые трупы, выкапывая из могил!

Смотри, — гора, гора воздвиглась из человеческих голов,
Над ней — прожорливая стая отвратных воронов-
воров.

Рука кровавая на небе висит от ночи до утра,
В руке — топор, и капли крови с того стекают топора.

Земля в крови. В тумане красном гифриты ¹ плавают
впотьмах,
И трупы у подручных смерти зловеще светятся в зубах.
Низвергнуты пространства мира в огонь, в дымящуюся
тьму,
И огнедышащие змеи в том извиваются дымом,
И соглядатаи шайтанов шипят, свистят со всех сторон
О том, что будет мир внезапно безмерным горем потрясен.
Свои волшебные страницы — людских деяний тяжкий
груз —
Являет нам в одно мгновение таинственный ляух аль-
махфуз ².

1917

КУРАЮ

Мой курай, зазвени, заиграй
Всеми красками звонкого мира,
Все печали развей, мой курай,
Чтобы дрогнуло сердце башкира!

Расскажи о разливах зари,
Расскажи о могучем Урале.

¹ Г и ф р и т ы — мифические существа, подчиненные смерти,

² Л я у х а л ь - м а х ф у з — по религиозной легенде — книга, в которую заносят все содеянные человеком дела.

Степи в песне своей сотвори,
Чтобы кони по ним проскакали,

Чтобы реки неслись, второпях
На утесы кидаясь с разбега!..
Расскажи о летовках в горах
И о поисках долгих ночлега.

Ты поведай мне, полон тепла,
О красавице в древнем уборе.
Сколько кружев башкирка сплела,
Чтоб забыть свое горькое горе!

Расскажи, как дрожат мотыльки,
Как шумят родники-новоселы,
Как склоняются к ним тальники
И с цветами венчаются пчелы!

Расскажи, мой курай, о былом,
О башкирских восстаньях кровавых,
О добре и о битве со злом,
О весельях, о дедовских нравах.

Расскажи, как башкира земля
Орошалась обильною кровью,
Как вздохнули свободно поля,
Орошенные буйною новью.

Как в кибитках точили мечи
Храбрецы перед боем великим,
Как посуда звенела в ночи,
Вторя вражеским копьям и пикам.

Сколько ты пережил, перенес!
Стал ты старым, курай, как преданье.
Песнь твоя нам знакома до слез,
Это — ангела смерти рыданье!

Так звени же теперь над водой,
Над листвой, где разбрызганы росы,
Словно жаворонок молодой,
Жизнерадостный, звонкоголосый!

Пой, курай, чтобы свет красоты
Залил прошлого страшные тени,
Чтоб родились на камне цветы,
Украшая наш праздник весенний.

Пой, курай, от утра до утра
Гордо, звонко, залиvisto, смело.
Наступила такая пора,
Что людская душа зазвенела!

1918

МАРШ БАШКИРСКИХ ВОИНОВ

Мы приказу отчизны верны,
Мы уходим на подвиг суровый.
Ради блага родимой страны,
Мы отдать свои жизни готовы.

Наше ложе — просторы лугов,
Одеяло — сиянье заката.
Наша цель — уничтожить врагов,
В нашем сердце — огонь Салавата.

Если пламя зажжем, то в золу
Превратим беспредельное море,
Если ввысь мы запустим стрелу,
То Венеру пронзит она вскоре!

«Мы затопчем Башкирию в прах!» —
Черный враг с этим движется кличем,
Но врага уничтожим в боях
И родную страну возвеличим.

Там, где предков горячая кровь
Пролилась за народное дело,
Наши души, ожившие вновь,
Будут биться упорно и смело.

Пусть от страха дрожит небосвод!
Мы готовы на подвиг суровый.
Марш вперед, храбрецы, марш вперед,
Мы — солдаты Башкирии новой!

1918

НЕЖДАННО

Так негаданно-нежданно
На земле Башкортостана,
На долинах и в теснинах,
На вершинах соколиных,
На озерах луговых,
На просторах вековых,
На отрогах горделивых,
На дорогах и в заливах,
На корягах, на суках,
И в оврагах, и в песках,
В тальниках и в родниках,
В тайниках-березняках, —
Так нежданно, так мгновенно
Наступила перемена:
День сияет вдохновенно.
Ярко необыкновенно!

Это подал руку друга
Ветер с юга, ветер с юга,
И с приветственной речью
Все спешат ему навстречу:
Поднялись дубы и ели,
Травы звонче зазвенели,
Целины зеленый бархат
В беспредельности распахнут,
Пахнут пестрые растенья
В упоении цветенья,
Вод озерных волны спелись,

Склонов горных рдеет прелесть,
Говорят леса с лугами
Полнозвучными стихами,
Камни древние ущелий
Вместе с реками запели,

Молодея, заиграло
Сердце старого Урала,
С неба ангелы слетели,
Посмотрели с перевала:
— Почему у вас веселье
На земле забушевало?

И Урал, могуч и светел,
Гордо ангелам ответил:
— Возродил башкир весенний
Ветер светлых дерзновений!

И ликуя несказанно,
Небожители запели:
— Пусть народ Башкортостана
Двигается к заветной цели!

1918

БАШКОРТОСТАН

Львы жаждут мщенья, если враг
Их землю топчет и тиранит.
Едва он к ним направит шаг, —
Пылая, кровь башкира прынет,

И если смертный бой с врагом,
Подобно грому, грозно грянет,—
Под грязным вражьим сапогом
Башкира честь лежать не станет!
Башкортостан, страна услад,
Бесценный клад, нетленный сад,
Где лев — по имени башкир —
Родился и увидел мир!

Башкирский край красив, богат,
Страна лугов и трав дубравных,
Отчизна львов, отчизна лвьят,
Где львы — и праотец, и правнук!
Земля моя, сынов тела
Ты обняла, готова к бою,
И кровь, что честно пролила,
Зарей взметнулась над тобою.
Башкортостан, земля моя,
Отчизна роз и соловья,
И лев — по имени башкир —
Впервые здесь увидел мир.

Башкир издавна знаменит
Вольнолюбивою отвагой:
Она в душе его звенит
Раскованной весенней влагой.
Он бился, не считая ран,
И честь была его вожатым,
Он возвышался, как курган,
Противоставший супостатам.

Башкортостан, страна трудов,
Страна цветов, страна плодов,
Где лев — по имени башкир —
Родился и увидел мир!

Башкиры поднялись опять,
И над лугами и полями
Сильнее начало пылать
Их совести святое пламя.
Один башкир зажечь готов
Сто адских топок для начала,
Сто райских сотворят садов
Богатства одного Урала!
Земля башкир, весенний пир,
Пернатых и растений пир,
И лев — по имени башкир —
Впервые здесь увидел мир!

Урал — сверкающий дворец,
Чьи стены созданы из песен.
Умрет от зависти творец,
Узнав, как этот край чудесен.
И станет раем этот край,
Где будет вечное веселье,
И ангелы покинут рай
И здесь устроят новоселье.
Башкортостан, страна певцов,
Страна стихов и храбрецов,

Где лев — по имени башкир —
Родился и увидел мир!

Земля моя, родной очаг, —
Настало время для работы:
Поднимем на своих плечах
Тебя и все твои заботы!
Мы, гордые твоей судьбой,
Мечтами светлыми твоими,
Готовы жертвовать собой,
Чтобы твое блистало имя!
Да здравствует страна башкир,
Да здравствуют и труд, и мир,
И львы, которые росли
Для торжества родной земли!

1918

САЛАВАТ-БАТЫР

Сколько лет Салавату?
Зеленая шапка на его голове.

Из народной песни

Кто он, грозный Салават?
Чем он славен и богат?
Он — родной земли булат,
Он отвагою богат!

Ни во сне, ни наяву
Равных нет такому льву,

В небесах и на земле
Равных нет его стреле.

Наш Урал — его отец.
Он — стремление всех сердец.
На земле — он свет земной,
В небе светится луной.

Он — отчества глаза,
Он — захватчиков гроза,
Саблей гору он свернет,
Криком озеро вспугнет.

Салават, как наш Урал,
Никогда не умирал.
Кровь его — завет живым,
Мы ее не оскверним!

1918

ОБРАЩЕНИЕ В СТИХАХ К БАШКИРСКОМУ НАРОДУ

Мы на сторону красных теперь перешли,
Потому что они без обмана
Признают независимость нашей земли,
Автономию Башкортостана.

Потому что их дело полезно для нас,
Перешли мы на сторону красных.
Разве это не так? Иль не видим сейчас
Мы свершенья надежд наших страстных?

Если Дутов направо нас хочет вести,
Не пора ли порвать с беляками?
Если влево направились наши пути,
Так помиримся с большевиками!

Большевистская правда гласит: «Пусть встает
Бедный люд, никому не покорный,
Пусть владыкою станет рабочий народ,
У буржуев пусть высохнут корни!»

А Колчак вместе с Дутовым жаждут царя:
«Пусть он правит, на троне сверкая,
Пусть, над бедным народом насилие творя,
Кровосос превзойдет Николая!»

Большевистские люди зовут нас: «Долой
Нищету, рабский труд, самовластье!
Дни свободы пусть ярко взойдут над землей,
Пусть рабочим откроется счастье!»

А Колчак вместе с Дутовым знают одно:
«Пусть законы творят богатеи!
Людям бедным, рабочим, как прежде, дано
Покориться тому, кто сильнее!»

Большевистское слово гласит: «Грош цена
Всем начальникам, всем заправилам!
«Толстой шее» рука трудовая равна,
И страной управлять ей по силам!»

Говорит большевик: «Надо каждой стране
Автономную власть предоставить,
Чтоб и малый народ, и большой наравне
Стали в вольных республиках править!»

А Колчак или Дутов орут: «Не дадим
Автономию нациям малым!
Белый царь — вот единственный их господин,
У буржуев им быть под началом!»

Сам подумай, башкир, пораскинь-ка умом,
Где от зла ты избавишься лютого?
На пути большевистском, свободном, прямом,
Иль на тропке разбойничьей Дутова?

И твой ум, не колеблясь, подскажет тебе:
«Большевистская лучше дорога!
Дутов, — скажет душа, — твой противник в борьбе,
С ним порви наконец, ради бога!»

Если так, — для чего тебе Дутов, Колчак?
Дни свободы тебя осенили,
Для чего же себя, свой народ, свой очаг
Подчинять этой вражеской силе?

Пусть Колчак или Дутов кричат и вопят, —
А нога не удержится в стремени,
Как ни будут скакать, — прямо в ад, прямо в ад
Попадут господа в скором времени!

Мать моя седовласая, брат-аксакал,
И сестрица, и дед мой почтенный,
Вы не верьте тому, что вам недруг наврал, —
Верьте речи моей откровенной.

Сотни разных обличий приняв, среди вас
Ходят-бродят прислужники Дутова.
Путы лжи и коварства плетут каждый час,
А потом эти путы распутывай!

Вам сочувствуют с виду и сладко поют,
Но их пению верить не надо:
Ведь за ангелов божьих себя выдают
Ненавистные детища ада!

Чтоб никто из чертей вам вредить не посмел, —
Их поймав, передайте Советам.
Попадутся вам дутовцы, — всех под расстрел:
Вы потом не раскаетесь в этом!

С о д е р ж а н и е

Баби́ч начинается. Ах- на́ф Харисов	3
Кни́га	7
Габду́лле Тукаю . . .	8
Коза и сви́ня	9
Прися́га наро́ду . . .	10
На лу́ну я взобра́лся...	12
Одно мгнове́нье	12
О бедных	13
Жизнь в борьбе	14
Жалоба́ горе-поэ́та . .	15
Грех и наказани́е . . .	15
Сча́стье без кра́я . . .	16
Я жду́	17
Бог или че́рт?	19
О́твет луны́	19
Весенняя́ песня́	20
Цве́ты	22
Гуся́та	25
Тиха́я ночь в дере́вне .	27
Соловьё́у, заклю́ченному в кле́тку	28
Зимняя́ доро́га	29
Печа́льный де́нь	30

Во мгле	31
Будь счастлив, рабочий народ!	32
Буржуй	34
Социалисту-ренегату .	35
Большевику	36
Выброшенные листки .	36
Узник любви	40
Обычай подражания .	40
Бабочка и я	42
Кровавые тени	43
Кураю	44
Марш башкирских вои- нов	47
Нежданно	48
Башкортостан	49
Салават-батыр	52
Обращение в стихах к башкирскому народу	53

Шайхзада Мухаметзакирович
Б а б и ч

ИЗБРАННАЯ

ЛИРИКА

(«Б-чка башкирской поэзии»)

Редактор

В. А. Т р у б и ц ы н.

Художественный редактор

В. Д. Д и а н о в.

Художник-оформитель

Р. Г. Гумеров.

Технический редактор

Г. К. Щ у р о в с к а я.

Корректор

А. В. К л и м а н т о в а.

Сдано в набор 8/VIII 1966 г.
Подписано к печати 12/XI
1966 г. Формат 60×90¹/₃₂. Физ.
печ. л. 1,875. Уч.-изд. л. 1,65.
Тираж 50000 экз. П 03228.
Изд. № 101. Заказ № 667. Бу-
мага литографская. Цена 9 коп.

Башкирское книжное издатель-
ство Управления по печати при
Совете Министров БАССР, г.
Уфа-25, улица Советская, 18.

Уфимский полиграфкомбинат
Управления по печати при
Совете Министров БАССР, г.
Уфа, проспект Октября, 2.

**БАШКИРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

В 1966 ГОДУ В СЕРИИ

**„БИБЛИОТЕЧКА
БАШКИРСКОЙ
ПОЭЗИИ“**

**на русском языке
выйдут из печати**

**ЛИРИЧЕСКИЕ
СТИХИ**

**Мажита Гафури
Даута Юлтыя**

Эти книги можно приобре-
сти во всех магазинах
книготорга, потребкоопе-
рации, киосках Союзпеча-
ти, а также через почту
по адресу:

*г. Уфа-55,
проспект Октября, 129,
Дом книги,
отдел „Книга—почтой“.*

Цена 9 коп.

УФА ● 1966